

**А. А. Евгеньев****Археология и общество в середине XIX — начале XX века  
(по материалам Оренбургской губернии)**

В статье рассматривается эволюция отношения провинциального южноуральского общества к археологической науке и памятникам древности на протяжении середины XIX — начала XX века. Рассмотрены проблемы кладоискательства, неконтролируемых раскопок, популяризации археологии в провинции, взаимоотношения различных общественных учреждений по вопросам археологических раскопок и охраны памятников древности. В научный оборот введены ранее не опубликованные архивные материалы, свидетельствующие об интересе к археологической проблематике в Оренбургской губернии на рубеже XIX—XX вв.

**Ключевые слова:** археология, общество, популяризация археологии, кладоискательство, охрана памятников, Р. Г. Игнатьев, Оренбургская ученая архивная комиссия, Императорская археологическая комиссия.

История археологии уже достаточно давно оформилась в самостоятельную отрасль гуманитарного знания. Традиционно в этой дисциплине изучаются такие проблемы, как эволюция научного знания, накопление археологического материала в полевых исследованиях, развитие археологической методики, научная коммуникация и т.д. И. Л. Тихонов предложил классификацию жанров отечественной истории археологии: «институциональная история», «социальная история», «интеллектуальная история», история научных школ, «культурная история», региональная история, «тематическая история», биографический жанр и т.д. [59]. С позиций данной классификации в настоящей статье совмещается региональная и социальная история археологии, а именно предлагается рассмотреть отношение к археологии общества на примере Оренбургской губернии в середине XIX — начале XX века. Для истории оренбургской археологии в дореволюционный период ранее рассматривались главным образом институциональные и науковедческие вопросы [20; 21; 22], социальный же аспект, как правило, выносился за скобки. Отношение провинциального общества к археологии предлагается рассмотреть по следующим направлениям:

1. Популяризация археологических знаний в провинциальном обществе. Проблема популяризации археологии являлась ключевой в деятельности столичных учреждений в дореволюционный период [56], не оставались в стороне и представители научной интеллигенции Оренбургской губернии.

2. Коммуникация различных научных и общественных учреждений, отдельных исследователей по вопросам организации археологических исследований и охраны памятников древности.

3. Отношение общества к регламентации археологических исследований, в частности к разрешениям на археологические раскопки (Открытые листы).

4. Проблема кладоискательства в южноуральской археологии, отношение к нему в обществе, вопросы охраны археологических памятников от разграбления и разрушения в результате других факторов.

**1. Археология и южноуральское общество в 1860—1870-е годы. Миссия Р. Г. Игнатьева**

В середине XIX века интерес общества к археологии Южного Урала находился в зачаточном состоянии, что вполне отражало особенности изучения археологического на-

следея Российской империи в этот период. Внимание к ярким античным памятникам Северного Причерноморья и отчасти к славянским городищам и курганам имело обратной стороной пренебрежение археологическими памятниками Урало-Поволжского региона. К началу 1860-х гг. нам известно лишь три эпизода, связанных с раскопками в Оренбургской губернии: 1) в 1811 г. у с. Поляковского Троицкого уезда «по приказанию тогдашнего управляющего Миасским заводом Свиридова» частично раскопан курган, найдены «глиняный кувшинчик, обвитый железной проволокой, и в нем... мелкие серебряные монеты»; 2) в 1857 г. у дер. Трухменевой 2-й Бурзянской волости Орского уезда майор Дос-Ктимирский раскопал 3 кургана, найдя несколько железных наконечников стрел и фрагменты керамики; 3) в 1860 г. были раскопаны несколько курганов на частных землях у с. Петровского Челябинского уезда землевладельцами Качко, обнаружены кости чело- века, железные стрелы, изделия из серебра и бронзы [33, с. 11, 17, 22]. Все эти эпизоды, впрочем, с наукой имели мало общего.

Многое изменилось с началом деятельности на Южном Урале Руфа Гавриловича Игнатъева (1818—1886)<sup>1</sup>. Игнатъев оказался на Южном Урале не по своей воле: будучи почтмейстером в Новгородской губернии, «за утайку денежных пакетов и удержание писем с присвоением себе полученных за оные весовых денег присужден был к лишению всех прав и преимуществ и к отдаче в солдаты с выслугою» [2, л. 8—8 об.]. В феврале 1855 г. Р. Г. Игнатъев был выслан рядовым в Уфу, в ноябре того же года был произведен в унтер-офицеры, в 1858 г. уволен от службы и лишь в 1873 г. помилован и получил прежние права [12, л. 1—3 об.; 3, л. 15—16].

В Уфимской губернии Игнатъев продолжил дело, начатое еще в бытность новгородским почтмейстером, — изучение памятников древности. 8 июля 1863 г. Оренбургский губернский статистический комитет (далее — ГСК) предложил Р. Г. Игнатъеву заниматься изучением южноуральской археологии, поручив «привести в известность и описать» памятники древности [27, с. 168—169]. Сам Игнатъев обоснованно писал в начале своих работ: «Оренбургская губерния еще не исследована археологами, и не сделано еще археологического описания ее многочисленных древностей, переживших столько веков и поколений; до сих пор не приходило охоты ни одному ученому заняться здешними древностями» [31, с. 128]. Тем ценнее тот прорыв в исследовании древнейшей истории Южного Урала, который был совершен многолетними работами Р. Г. Игнатъева.

Исследовательская деятельность Игнатъева — это своеобразный путь преодоления различных трудностей: организационных, финансовых, кадровых, проблем взаимопонимания с общественными и властными учреждениями. Исследовательский энтузиазм краеведа получал довольно скромное финансовое подкрепление, и зачастую Р. Г. Игнатъев был вынужден организовывать полевые исследования на собственные средства. В 1863—1864 гг. он занимался фиксацией и описанием памятников древности в Троицком, Челябинском и Верхнеуральском уездах, получив на это субсидию в размере 125 рублей от Оренбургского ГСК [34, л. 4—4 об.]. Следует признать, что местная администрация не помогала Игнатъеву финансами, отказывалась помочь ему и организацией работы топографов для составления археологической карты губернии [34, л. 82]. В 1865 г. председатель Московского археологического общества граф А. С. Уваров писал оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому: «Московское археологическое общество, возложив на своего члена-корреспондента Р. Г. Игнатъева поручение *на собственный его, Игнатъева, счет* [курсив мой. — А. Е.] разные археологические изыскания в Оренбургской губернии, обращается к Вам с покорнейшей просьбою оказать благодарное и деятельное в его поисках содействие и разрешить ему производить

<sup>1</sup> Подробная биография Р. Г. Игнатъева опубликована в издании [29] и последующих его томах.

их не только в Оренбургской губернии, но и в землях негубернского ведомства, как-то Киргизских и казачьих» [1, л. 1]. Н. А. Крыжановский обещал содействие оказать, przeprowadив соответствующие указания различным местным чиновникам. Примечательны слова уфимского губернатора Г. С. Аксакова из переписки с Крыжановским: «Р. Г. Игнатъев — человек, хотя и весьма усердный, но совершенно без средств, так что до настоящего времени он в состоянии был заниматься археологическими работами только лишь при материальном и административном содействии со стороны здешнего статистического комитета» [1, л. 5].

В этой связи интересно рассмотреть отношения провинциального ученого с российскими археологическими организациями, крупнейшими из которых на тот момент являлись Императорская археологическая комиссия (ИАК) и Московское археологическое общество (МАО). Статистический комитет, находясь в стесненных финансовых условиях, хлопотал о выдаче денежного пособия Игнатъеву перед ИАК, однако условием такового было предоставление подробной программы исследований. Р. Г. Игнатъев, приведя в систему данные своих полевых работ, в 1865 г. предоставил в ИАК отчет с декларацией намерения в течение двух с половиной лет описать в археологическом отношении всю Оренбургскую губернию [34, л. 6—35, 42—71]. Отчет был в ИАК довольно резко раскритикован, в числе прочего сказано: «...доставленные Вами донныне сведения не имеют научного достоинства, а заключают в себе лишь беглые, наскоро набросанные путевые заметки» [34, л. 74—74 об.]. Годом ранее отрицательную реакцию вызвала также просьба Игнатъева избрать его в качестве корреспондента ИАК в связи с его работами по поиску древностей в Киргизских землях. В Комиссии отвечали, что ИАК «причисляет к составу своему только таких археологов, которые сверх известной своей ученой археологической деятельности оказали значительные археологические услуги самой Комиссии» [34, л. 2—3].

Критика ИАК оказалась для Р. Г. Игнатъева полезной, и уже в 1867 г. он представил обстоятельную программу археологического исследования Оренбургской губернии, подразумевающую конечной целью составление археологической карты: 1) составление подробной карты местности с нанесением на нее памятников археологии; 2) фиксация таковых с помощью чертежников, художников и фотографов; 3) проведение раскопок на отдельных могильниках «со строжайшим соблюдением на этот предмет правил, изложенных в “Записке для обозрения русских древностей”» [34, л. 16—16 об., 69]. В ИАК Игнатъеву было выделено небольшое денежное пособие. Именно на эти средства он провел раскопки в Уфе у мусульманского кладбища [34, л. 97, 109—110].

Отказ ИАК сотрудничать с краеведом, по всей видимости, стал причиной того, что Р. Г. Игнатъев свою исследовательскую деятельность связал с другой археологической организацией Российской империи — Московским археологическим обществом. В 1865 г. МАО обратилось к губернским статистическим комитетам с просьбой указать местных любителей археологии, которые могли бы являться его представителями на местах. Уфимский комитет указал на Игнатъева, и тот был избран 23 февраля 1865 г. членом-корреспондентом МАО [29, с. 32]. В марте 1869 г. Игнатъев в качестве представителя ГСК принял участие в работе организованного МАО I Археологического съезда в Москве, за что съездом Комитету была выражена благодарность [19, л. 120—123, 140]. Доклад Игнатъева о результатах работы по составлению археологической карты Южного Урала был опубликован в «Трудах I Археологического съезда» [26], и съезд поручил краеведу продолжить исследования в Оренбургском и Орском уездах, с тем чтобы полностью привести в известность археологические памятники Оренбургской и Уфимской губерний

[19, л. 140]. В итоге Игнатьевым был создан первый свод памятников древности Южного Урала — статья «Городища и курганы Оренбургской губернии» [28].

В 1871 г. Р. Г. Игнатьев обследовал часть Курганского округа, пограничного с Оренбургской губернией, и это были последние полевые археологические исследования краеведа, после чего он перешел к кабинетной обработке и интерпретации накопленных материалов [30, с. 10—13]. В дальнейшем Игнатьев сокращает контакты с МАО, не участвует в работе археологических съездов и в целом в последние годы своей жизни отошел от археологической тематики. Несмотря на это, значение его многолетней исследовательской деятельности по археологии Южного Урала переоценить невозможно: не преувеличением будет сказать, что благодаря Р. Г. Игнатьеву и опубликованным им в специальных изданиях и местной прессе материалам по археологии в обществе произошел «поворот» к древностям Южного Урала, археология для общества Оренбургской губернии перестала быть чем-то чуждым и незнакомым.

## **2. Популяризация археологии в южноуральском обществе на рубеже XIX—XX вв. Роль Оренбургской ученой архивной комиссии**

Уже к 1880—1890 гг. роль южноуральских памятников древности начинает осознаваться в обществе, что приводит в дальнейшем в том числе и к развитию полевых исследований. Значительный вклад в популяризацию археологии Оренбуржья внес почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии, писатель и журналист, этнограф и археолог Филипп Диомидович Нефедов (1838—1902). В 1884 и 1887—1888 гг. он проводил на Южном Урале археологические исследования по поручению Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии [44]. 19 октября 1888 г. по приглашению ГСК Ф. Д. Нефедов выступил перед общественностью Оренбурга, рассказав о результатах своих работ и подчеркнув в этой связи необходимость археологического изучения региона [36, л. 2—3]. О том же писал он и в дальнейшем, опубликовав материалы своих полевых исследований: «Южное Приуралье... замечательный край, имеющий... всемирное значение, до сих пор остается почти нетронутым в археологическом и антропологическом отношении» [44, с. 1].

Значительный вклад в изучение Южного Приуралья «в археологическом отношении», а также в популяризацию археологической проблематики на рубеже веков внесла Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК), образованная в декабре 1887 г. Ее деятели, представители местной интеллигенции — преподаватели, чиновники, краеведы-любители, занимались архивными поисками, историческими исследованиями, в том числе археологической деятельностью. Интересно, что в 1903 г. Комиссия отклонила предложение Туркестанского кружка любителей археологии организовать археологическое общество в Оренбурге, мотивировав это тем, что «Архивная комиссия в своей деятельности преследует также и задачи местной археологии» [53, с. 144].

Для развития в обществе интереса к южноуральской археологии важное значение имело участие представителей ОУАК в работе археологических съездов (далее — АС). Съезды были важнейшим способом научной коммуникации, организации археологической науки в дореволюционной России [55]. Именно поэтому, признавая значение съездов для развития археологии, деятели ОУАК хлопотали об организации такого съезда в Оренбурге. Еще в 1903 г., когда ОУАК присоединилась к ходатайству Уральского общества любителей естествознания о проведении очередного АС в Екатеринбурге, в числе прочего было высказано: «Оренбург... мог бы и сам быть выбран местом съезда, но недостаток помещений и средств не позволяют привести эту мысль в исполнение» [53, с. 160]. А уже в 1906 г., в предварительном комитете XIV АС, Д. Н. Соколову было поручено «возбудить в Императорском Московском археологическом обществе вопрос о созыве следующего

Археологического съезда в городе Оренбурге с целью поднятия интереса к местной археологии» [51, с. 29]. ОУАК мотивировала свою заявку следующим образом: «...мысли об устройстве Уваровского археологического съезда в Оренбурге давно уже занимают архивную комиссию; этот город имеет за себя много данных как место такого съезда». По мысли деятелей ОУАК, «пора уже съездам обратить свое ученое внимание на Восток», благо к этому располагают изменения в последние десятилетия: появление путей сообщения, местных исследователей по истории, археологии и этнографии и т.д. [15, л. 21]. Вопрос о желательности созыва XVI съезда в Оренбурге был поднят на XIV съезде, в 1911 г. в ОУАК было послано отношение МАО о предоставлении необходимых документов, и Комиссия начала вести переговоры с губернатором и городскими властями [50, с. 43]. Однако в итоге эта идея потерпела неудачу: было принято решение «вследствие постигшего край полного неурожая, когда кассы всех местных учреждений совершенно опустели... не может быть оказано денежных пособий съезду от местных учреждений и города и XVI съезд не может быть созван в г. Оренбурге...» [50, с. 53—54].

Деятельность ОУАК по охране памятников археологии была связана прежде всего с ее сотрудничеством с Императорской археологической комиссией. ОУАК в стремлении утвердить собственный авторитет в губернии в деле охраны археологического наследия стала, по сути, «правой рукой» ИАК и главным инструментом реализации в Оренбургской губернии законодательства по охране археологических памятников. Получив запрос от местных любителей археологии с просьбой разрешить раскопки в Оренбургской губернии или Тургайской области, ОУАК обращалась в ИАК и по итогам переписки с ней получала Открытый лист на имя конкретного исследователя или же на саму Комиссию. В 1896 г. ОУАК обратилась к оренбургскому губернатору с просьбой уведомить местные учреждения и органы, что «всякого рода раскопки могут производиться лишь с надлежащего разрешения, которое *дается Оренбургской ученой архивной комиссией* [курсив мой. — А. Е.] по сношению последней с кем следует, почему к Архивной комиссии и должно каждый раз обращаться лицам, желающим произвести какие-либо раскопки или археологические изыскания» [5, л. 8—8 об.].

Несмотря на то что ОУАК была основана в 1887 г. и археологическая деятельность рассматривалась как одно из ведущих направлений ее работы, на протяжении десятилетия археологические полевые исследования ее членами не проводились. При этом вопрос об исследовании оренбургских памятников поднимался неоднократно. На заседании ОУАК 5 сентября 1889 г. Н. Г. Иванов указал на необходимость проведения раскопок в связи с участвовавшими случаями кладоискательства и с необходимостью составления археологической карты губернии. Было принято решение обратиться к помощи археолога-профессионала, чтобы под его руководством деятели ОУАК приобрели необходимые навыки проведения археологических раскопок и разведок [52, с. 51—52].

Своеобразный «прорыв» произошел в 1897 г., когда были проведены раскопки в окрестностях г. Оренбурга будущим председателем ОУАК врачом А. В. Поповым, а в Челябинском уезде — земскими начальниками Г. Е. Броневским и Г. Н. Милюковым [38, л. 1—5, 8—11, 20—25; 6, л. 10—12, 16—21, 26—27; 47]. И в дальнейшем археологические исследования на территории различных уездов Оренбургской губернии и Тургайской области под эгидой Оренбургской ученой архивной комиссии проводились практически ежегодно, с редкими перерывами. Результаты полевых исследований и основанные на них статьи по археологии члены ОУАК регулярно публиковали в «Трудах ОУАК». Начиная с этого момента сама археологическая наука и связанная с ней полевая научно-исследовательская деятельность становятся популярным, если не сказать «модным», в обществе того времени явлением. Поэтому нет ничего удивительного, например,

в том, что, описывая раскопки могильника на Бердинской горе, А. В. Попов отмечает, что «на раскопках присутствовало много гостей из города и особенно из поселка Берд» [48, с. 202].

### 3. Оренбургское общество и вопрос об Открытых листах

Говоря об активизации полевых археологических исследований, нельзя не заметить, что в ОУАК зачастую достаточно вольно трактовался порядок отчетности по Открытому листу. Отчет о раскопках высылался в ИАК в единичных случаях, многие исследователи ограничивались публикацией отчета в «Трудах ОУАК», считая тем самым свою миссию выполненной [39, л. 14; 42, л. 2]. В мае 1906 г. ИАК подвергла критике работу ОУАК, обратив внимание, что «за время 1902—1905 гг. ей не было доставлено ни одного отчета о произведенных г.г. членами Архивной комиссии раскопках и не возвращено ни одного Открытого листа» [11, л. 31—31 об.]. В архивном фонде ОУАК нами обнаружено два невозвращенных Открытых листа на имя И. А. Кастанье на 1904 и 1907 годы [14, л. 27, 30]. Ситуация кардинально не изменилась и в последующие годы: контент-анализ «Отчетов» ИАК выявил, что за исключением Н. К. Минко, проводившего раскопки в Челябинском уезде, ни один отчет по работам под эгидой ОУАК не был доставлен в ИАК; это подтверждается и по данным Научного архива ИИМК [58, с. 328—332].

Интересны обстоятельства, сопутствующие исследованиям Г. Н. Милюкова. В 1897 г. крестьяне села Каменного Трофим и Никандр Банниковы обратились в ОУАК за помощью в получении Открытого листа на раскопки у с. Каменного [6, л. 15], что уже само по себе нетипично для России рубежа веков, где, как увидим в дальнейшем, с крестьянами связаны главным образом кладоискательские раскопки. Такая инициатива по понятным причинам не была оценена ОУАК, выдать разрешение крестьянам не представлялось возможным, однако был найден простой выход: ОУАК обратилась к земскому начальнику Г. Н. Милюкову с просьбой стать членом Комиссии и руководить раскопками, для чего в ИАК был заказан Открытый лист [6, л. 16—21, 26—27; 38, л. 20—25]. Раскопки были произведены, оказались безрезультатными, но отчет о работах был предоставлен в ИАК [38, л. 60—65 об., 67—68].

Следует заметить, однако, что это, пожалуй, единственный прецедент в дореволюционной истории южноуральской археологии, когда крестьянский интерес к древностям реализовался целиком и полностью в рамках существующего законодательства.

В 1890 г. в ИАК обратился верхнеуральский мещанин писарь Степан Горячев. Изобильно сопровождая свое обращение отсылками на законодательство и «Высочайшее соизволение», Горячев испрашивал разрешения на раскопки в Верхнеуральском, Орском, Троицком и Челябинском уездах «шиханов и курганников» [37, л. 2]. Ответ ИАК был предсказуем: об этом казусе сообщили верхнеуральскому уездному исправнику, указав, что «такое исследование может быть позволено только лицам, научно подготовленным к подобным работам» [37, л. 3].

В 1905 г. в ОУАК обратились крестьяне пос. Елизаветинского Кустанайского уезда Тургайской области Данила и Семен Попурки. Указывая на то, что в окрестностях «имеются курганы, в которых должны иметься старинные вещи», они просили ОУАК разрешить им раскопки курганов, уточнив при этом, что все найденные вещи будут представлены Комиссии. Уточнив, в каких именно урочищах находятся курганы, ОУАК запретила эти раскопки и отписала об инциденте Кустанайскому уездному исправнику [10, л. 9—11, 26—27].

В 1909 г. в ОУАК обратился обыватель села Кирыбино Троицкого уезда Василий Ильичев с просьбой «дать разрешение на право раскопки скрытых в земле богатств, т.е. золотых, серебряных и медных денег и разных драгоценностей пугачевских времен», или же

указать, куда следует обратиться за таким разрешением [18, л. 29]. Об этом недвусмысленно кладоискательском интересе ОУАК сообщила Троицкому уездному исправнику, чтобы тот надзирал за Ильичевым и не допускал хищнических раскопок [18, л. 35].

Таким образом, вышеуказанные примеры взаимодействия ОУАК и ИАК, с одной стороны, и провинциальных «любителей» археологии — с другой, говорят о знакомстве обывателей с объектами археологических раскопок и с тем фактом, что для таковых раскопок необходимо соответствующее разрешение, хотя Открытый лист в большинстве случаев по объективным причинам не мог быть выдан. Подобная ситуация вполне отражает особенности взаимоотношения общества и научных учреждений на рубеже веков: для отдельных регионов в архиве ИАК даже создавались специальные дела с характерным названием «С ходатайством кладоискателей о разрешении им производства раскопок» [56, с. 405].

В то же время известны и другие характерные примеры, когда проводились раскопки памятников совсем без Открытого листа, хотя формально кладоискательскими эти раскопки нельзя назвать. Так, в 29 выпуске «Трудов ОУАК» в статье «Из донесений Архивной Комиссии о находках древностей» были суммированы сведения о случайных археологических находках в Оренбургской губернии и Тургайской области. Помимо прочего респонденты ОУАК, сообщая о находках «древностей», отмечают, что ими были произведены пробные раскопки (разумеется, без всякого на то разрешения). Так, П. Филиппев писал, что им «из любопытства (курсив мой. — А. Е.) близ с. Ново-Алексеевки Разномойской вол[ости]... разрыт один курган» [32, с. 221]. А студент горного института Б. Н. Наследов — известный в будущем геолог — привел подробные сведения о каменных курганах, могилах и кольцах в окрестностях поселков Ушкаттинского, Еленовского, Адамовского и других (эти памятники будут исследованы в 1950—1970-е годы Еленовским отрядом Южно-Уральской экспедиции ИА АН СССР) и отметил, что «им была произведена пробная раскопка» курганов [32, с. 223—225]. В переписке ИАК и ОУАК какие-либо вопросы или претензии со стороны ИАК по вопросу неконтролируемых раскопок нами не встречены.

Несовершенство законодательства об охране древностей на рубеже XIX—XX вв. проявлялось, в частности, в отсутствии в законе обязательства брать Открытый лист на раскопки на частновладельческих землях. Так, в 1915 г. ОУАК ходатайствовала перед ИАК о выдаче Открытого листа на раскопки в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии и Кустанайском уезде Тургайской области для золотопромышленника Искандера Закировича Рамеева, мотивируя это тем, что при золотопромышленных работах памятники уничтожаются «без всякого разрешения и научного интереса» [10, л. 28—28 об.]. Не имея возможности воспрепятствовать разрушению памятников на частных землях, ОУАК постаралась заинтересовать Рамеева археологией, чтобы он при работах на своих участках изучил курганы по научной методике и тщательно их описал. ИАК разъяснила, что для производства раскопок на частных землях Открытый лист не нужен, однако после повторного запроса от ОУАК, уточняющего, что золотопромышленные работы будут проводиться в том числе и на казенных землях, искомое разрешение все же было выдано [10, л. 34, 58]. Формулировка, употребленная в переписке ОУАК с ИАК, «т.к. все равно попавшиеся при работах древние могилы будут уничтожены без всякого контроля со стороны науки» [10, л. 28 об.], весьма красноречиво характеризует беспомощность общественных научных учреждений перед фактом разрушения памятников промышленниками в дореволюционный период. О каких-либо археологических работах под руководством И. З. Рамеева нам неизвестно.

#### 4. Кладоискательство и борьба с ним в Оренбургской губернии в 1880—1910-е годы

Одной из проблем, с которой столкнулось провинциальное общество в вопросе сохранения памятников древности, было кладоискательство, процветавшее в России в XIX — начале XX века. Упоминания о грабительских раскопках особенно часто встречаются в конце 1880-х гг., когда еще не утвердилось законодательство в сфере охраны памятников, подразумевающее процедуру выдачи на раскопки Открытых листов и обязательную передачу археологических находок Императорской археологической комиссии. Так, в 1887 г. крестьяне деревень Корчагинской и Черноярской Воскресенской волости Челябинского уезда раскопали три кургана, найдя в одном из них украшение «в виде национальной подвески с серьгами» и бронзовый кельт, в другом — бронзовый котел («ваза красной меди»), копье и золотую шейную гривну («вещица кольцеобразная в виде военной трубы»), в третьем — два серебряных «блюдца» и костяное украшение [35, л. 1—1 об.]. Находки эти были изъяты и переданы в Российский исторический музей [35, л. 5—6].

В 1888 г. казаки поселка Черниговского Магнитной станицы Верхнеуральского уезда раскопали на землях казачьих дач курган с деревянной конструкцией<sup>1</sup>. Производство дальнейших грабительских раскопок было остановлено благодаря вмешательству священника Николая Тимашева, обратившегося в газету «Оренбургский листок» и описавшего найденные кладоискателями артефакты. Общественный резонанс, возникший вокруг этих раскопок, привел к конфискации полицией у казаков найденных вещей и последующей их передаче Ф. Д. Нефедову, который их опубликовал в своем отчете о работах в Южном Приуралье в 1887—1888 г. [44, с. 33—34].

С созданием Оренбургской ученой архивной комиссии появился местный центр противодействия кладоискательству. Сведения о грабительских раскопках в различных уездах Оренбургской губернии и Тургайской области довольно многочисленны в архивных материалах в фондах ГАОО и архива ИИМК [5, л. 19, 25—27], встречаются в протоколах заседаний ОУАК; находки из раскопок, как правило, доставлялись в музей Комиссии [32].

Особую озабоченность деятелей ОУАК вызывало то, что «разграбление курганов и других памятников старины стало совершенно обычным явлением в Оренбургской губернии и приобрело даже род правильного промысла», к тому же «варварский промысел безнаказанно развивается на глазах местных ближайших властей <...> расхищение памятников древности производится явно, на глазах всего населения, а стало быть и местных властей, вызывая даже протест среди части самого населения» [5, л. 53]. Задачи ОУАК в этой ситуации сформулировал Д. Панков: «...надо спешить спасти от расхищения те богатства в научном отношении, которые еще не тронуты; надо внушить населению... что памятники древности должны быть неприкосновенными; надо спешить зарегистрировать и изучить эти самые памятники...» [46, с. 130—131].

Один из ярких эпизодов, иллюстрирующих взаимоотношения крестьян и памятников древности Южного Урала, связан с именем крестьянина Ивана Самойлова, которому посвящено отдельное дело в фонде Архива ИИМК. В 1900 г. Самойлов сообщил в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, что ИАК запретила ему раскопки курганов, чем он занимается около 9 лет, главным образом в Тургайской области. Сам же он подчеркивал, что «занимается розыском древности от любви к этому делу, не извлекая каких-либо материальных выгод» [40, л. 2—4, 8—9]. Часть находок была выкуплена земским начальником И. С. Назаровым, к которому ИАК и обратилась за ними. Сославшись на то, что часть вещей «сомнительна, а часть попорчена,

<sup>1</sup> Более подробно об обстоятельствах исследования Черниговского кургана, а также его культурно-хронологической интерпретации см.: [23].

а ввиду неясности местонахождения вещей их научная ценность невелика», Назаров все же вещи выслал в ИАК, и они поступили в Эрмитаж («золотой наконечник с изображением головы сайги») и Российский Исторический музей («костяной наконечник стрелы, каменное блюдо на ножках и большая медная подковка в виде полулуния») [40, л. 15, 24, 27—28, 34, 35; 45, с. 143, 172].

Вторично имя Самойлова всплывает уже в 1903 г. на заседании ОУАК, посвященном итогам раскопок в Красногорском кургане Н. Е. Макаренко. Член ОУАК И. В. Аничков сообщил о проживающем в Кустанае штейгере Самойлове: «...в нем заметно странное в крестьянине стремление к коллекционерству и в сущности бескорыстному разрытию курганов» [53, с. 150—151]. Самойлов уступил Аничкову за 100 рублей, выделенных Комиссией, свои находки, сообщил сведения о грабительских раскопках в Тургайской области, как своих, так и чужих, а также поделился своим мнением о памятниках древности [53, с. 151—153]. По свидетельству Аничкова, крестьянин был склонен к своеобразной «типологизации» курганов, деля их на три «разряда»: 1) могильные курганы (с захоронениями, богатым инвентарем); 2) жертвенные курганы — большие, но без погребений и инвентаря, а с жертвенными костями, перекрытыми деревом; 3) священные — также большие, «с древесным углем и галькой» [53, с. 153—154]. Можно предполагать, что такое представление о разных формах курганов по содержанию в них инвентаря могло сложиться только при условии достаточно большого количества раскопанных крестьянином курганов. ОУАК обратилась к помощнику Кустанайского уездного начальника, чтобы он прекратил грабительские раскопки [9, л. 88]. Также Комиссией было принято решение «направить внимание Самойлова главным образом на доставление Комиссии сведений по археологии, как то: описание курганов, городищ, каменных баб, предметов старины и т.п.» [53, с. 154]. В декабре 1903 г. стало известно о том, что крестьянин просит разрешения на раскопки в Тургайской области, в таком разрешении ему по понятным причинам было отказано, а земскому начальнику Дидрихсу поручено наблюдать за Самойловым [53, с. 174—175].

Не позднее 1902 г. казаками пос. Атаманского Наследницкой станицы было раскопано два кургана, носивших у местного населения названия Кинжитай-Мулле и Сара-Уба. До ОУАК дошла информация о том, что в одном из курганов было найдено погребение всадника с богатым инвентарем, включавшим шлем и конскую упряжь с золотыми украшениями, однако расследование, проведенное приставом 3-го стана Верхнеуральского уезда, эту информацию не подтвердило [5, л. 52 об., 57—57 об.]. Интересно, что внимание на этот курган обратил известный ученый Н. И. Веселовский: в переписке ОУАК с Веселовским, помимо просьбы о ходатайстве перед ИАК о субсидировании раскопок Красногорского кургана, сказано: «...относительно интересующих Вас скелетов лошади и всадника, найденных при хищнической раскопке в дачах Атаманского поселка (Верхнеуральского уезда), Архивная комиссия честь имеет уведомить, что одному из членов Комиссии поручено собрать на месте о названных скелетах самые подробные сведения» [9, л. 27]. Эта миссия была поручена хорунжему Н. П. Лысову, который в сентябре 1903 г. выехал на место раскопок и выяснил, что разграблению подверглись не менее 50 курганов «с целью добывания древесного угля», были найдены наконечники стрел и «вызолоченные бляшки». Более Лысову ничего выяснить не удалось, поскольку местные жители были «напуганы преследованиями за самовольные раскопки» [53, с. 164—165]. История имела довольно неожиданное продолжение: в октябре 1903 г. в ОУАК обратился казак Наследницкой станицы Иван Кочкин с просьбой выдать Открытый лист на право раскопок курганов «в районе Тургайской области», прилагая удостоверение Атаманского поселкового правления о благонадежности [9, л. 91].

В июле 1911 г. крестьяне деревни Прохоровки (современный Шарлыкский район Оренбургской области) во главе с Логиним Олефером раскопали три кургана, расположенных близ этой деревни. Властям стало известно о разграблении курганов благодаря казусу: в раскопе Олефера в его отсутствие другие крестьяне нашли два серебряных фиала, и тот обратился к приставу 2-го стана Оренбургского уезда И. П. Филатову с требованием вернуть найденные «в его кургане» вещи. Филатов, разумеется, остановил разграбление курганов, изъял находки и отправил их в ОУАК [8, л. 116—116 об.; 4, л. 168—168 об.]. Дальнейшая судьба Прохоровских курганов, ставших эпонимными для раннесарматской культуры, широко известна: находки привлекли внимание выдающегося русского ученого М. И. Ростовцева, который поручил доисследование курганов С. И. Руденко, и полученные материалы легли в основу классической работы М. И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», давшей начало сарматоведению в российской науке<sup>1</sup>. В контексте же проблематики настоящей статьи рассмотрим несколько иной аспект — особенности восприятия кладоискательской деятельности в среде крестьянства и среди научной интеллигенции на примере Прохоровки.

Крестьяне, раскопавшие Прохоровские курганы, обратились к Филатову с ходатайством о вознаграждении за находки, и пристав фактически занял их сторону, обратившись с этою же просьбой в ОУАК [16, л. 146—147 об., 148]. ОУАК потребовалось разъяснить полицейскому чиновнику то, что он, по большому счету, должен был понимать по долгу службы, что «самовольные раскопки не могут быть никаким путем поощряемы <...> За труд раскопки курганов в этом случае не может быть выдаваемо никакого вознаграждения, что было бы поощрением хищничества» [16, л. 138]; денежное вознаграждение, по мысли членов ОУАК, выдается только за добровольную сдачу случайно найденных вещей. По всей видимости, эта позиция была доведена приставом до крестьян, и дальнейшее развитие событий складывается достаточно анекдотически. В декабре 1912 г. 15 крестьян Прохоровки обратились к оренбургскому губернатору с прошением о выдаче вознаграждения «по стоимости наших вещей или же возвратить таковые все обратно». В прошении крестьяне категорически не соглашались с ОУАК, которая их «обличает хищниками» и «признала все вещи изломанными и никуда не годными» [16, л. 13], а также, напоирая на ценность найденных вещей, приложили полную их опись. По сути, крестьяне рассматривали находки из курганов как свою собственность на основе «права добытчика», и убежденность в этом была настолько велика, что они совершили шаг, абсолютно нетипичный для кладоискателей начала XX века — доверили представлять их интересы в этом деле адвокату А. И. Рейзнеру. Рейзнер обратился в ОУАК с просьбой оценить стоимость изъятых у Олефера вещей и организовать соответствующее вознаграждение, в ответ на что получил подкрепленный отсылками на законодательство ответ: «...просители не имеют никакого права на получение вознаграждения, т.к. отобранные или даже добровольно представленные ими вещи найдены ими не на поверхности земли и не при разработке ея, а при самовольной раскопке курганов» [16, л. 46—46 об.]. В дальнейшем адвокат, по всей видимости, осознав бесперспективность защиты интересов крестьян, исчез из поля зрения ОУАК, и более крестьяне претензии на находки не высказывали.

В развитие темы взаимоотношений властей, археологов и кладоискателей нельзя не упомянуть один характерный эпизод, произошедший в 1911 г. при доисследовании разграбленных крестьянами курганов у села Покровка (современный Соль-Илецкий район Оренбургской области). Командированный для раскопок И. А. Кастанье в переписке с ОУАК жаловался на поведение местного урядника Бакирова, который, приехав на место

<sup>1</sup> Подробно об истории изучения Прохоровских курганов см.: [24; 62].

раскопок «в совершенно пьяном виде», потребовал конфискации всех найденных предметов, проявляя, по словам Кастанье, полное неуважение к работе археолога, что вызвало в местном населении представление, «будто она ничем не отличается от простого хищничества» [14, л. 114—114 об.]. ОУАК обратилась к губернатору Уральской области с жалобой на урядника, чье поведение «дискредитировало в глазах местного населения научные исследования и даже самую необходимость охраны памятников древности и важность их научного значения», особо подчеркивая, что «когда производились хищнические раскопки курганов, то г. урядник отсутствовал и ничего не предпринимал, когда же явился человек науки, то тот же урядник, будучи при том в весьма нетрезвом виде, чинил всякие препятствия и унижал достоинство научного исследования древностей» [14, л. 54]. Следует признать все же, что этот эпизод был явно единичным проявлением ненадлежащего отношения местных властей к археологии, в основном ОУАК в деле охраны памятников находила на местах поддержку.

Так, в течение 1899—1900 гг. правителем дел ОУАК И. С. Шукшинцевым был проведен сбор информации о памятниках Оренбургской губернии путем анкетирования местного населения. «Благонадежным лицам (учителям, священникам, земским начальникам и т.п.)» были разосланы опросные анкеты с вопросами о расположении памятников, фактах их раскопок и о народных преданиях о курганах. Было получено 286 ответов с информацией о 459 курганах, 63 из которых были раскопаны кладоискателями [54, с. 175]. В публикации Шукшинцева эти данные были систематизированы по географическому принципу — по расположению памятников в уездах [60] — и дополнены сводкой преданий и легенд о происхождении курганов [61].

Сбор сведений о курганах совпадает с обращением в ОУАК ИАК с просьбой «сообщить, на каких именно землях <...> были произведены кладоискателями раскопки курганов» [17, л. 44]. В ответ ОУАК были отправлены «Сведения о курганах Оренбургской губернии», при том было оговорено, что «Сведения» представляют собой только часть анкет, другие сведения будут предоставлены в ИАК «по мере накопления материала» [17, л. 45; 41, л. 3—11]. Однако, судя по архивным данным, продолжения не последовало.

Работу по картографированию ОУАК продолжала и в дальнейшем. В 1906 г. Комиссия обратилась к Московскому археологическому обществу с просьбой профинансировать издание археологической карты Оренбургского края, предложив издательский план: «...по одному уезду в год, начиная с Тургайской области — Кустанайского, затем Актюбинский уезд, Уральскую область и в конце карта Оренбургской губернии по два уезда в год» [11, л. 1—2]. Подобная археологическая карта в дореволюционный период не была издана, однако известно, что первый шаг в этом направлении был сделан — на XIV Археологическом съезде в 1908 г. была представлена археологическая карта Кустанайского уезда [43]. А в 1910 г. в XXII выпуске «Трудов ОУАК» была напечатана монография И. А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», представлявшая собой сводный каталог археологических памятников на огромной территории от Южного Урала до Средней Азии [33].

Таким образом, проблемой номер один в дореволюционной археологии оставались грабительские раскопки. Число памятников, раскопанных кладоискателями в конце XIX — начале XX в., исчисляется десятками, и многие комплексы оказались просто утраченными для науки. С другой стороны, стараниями ОУАК ряд памятников был исследован, и материалы этих работ в дальнейшем активно использовались российскими и советскими учеными. К тому же важнейшую роль играла последовательная просветительская работа среди населения, направленная на сохранение и приведение в известность всего многообразия археологических памятников Оренбургской губернии.

Не случайно, что именно ОУАК стала адресатом российских учреждений, занимавшихся охраной культурного наследия, в революционном 1917 г. В мае 1917 г. в ОУАК поступило письмо от МАО, в котором содержался следующий призыв: «...все Ученые Общества и учреждения, всех просвещенных людей России, наконец, всех любящих свою родину <...> соединиться во всех городах великой Руси в одно целое, крепкое духовно Общество с обязанностью избрать из своей среды представителей и настаивать на участии и присутствии их в Комиссии Общественных организаций, дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать и спасать памятники прошлого исторического развития русского народа и народов, входящих в состав Русского государства» [13, л. 36—36 об.]. А в августе 1917 г. МВД разослала губернским и областным комиссарам циркуляр, предписывавший регистрацию предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение, для чего им требовалось «войти в сношение с губернской Ученой архивной комиссией <...> и при участии выбранных ими лиц выяснить наличие имеющихся в правительственных и общественных учреждениях предметов, представляющих художественно-исторический интерес, составить опись их, установить временную охрану и наблюдение за ними» [13, л. 43]. Все эти декларации так и остались на бумаге, конкретных действий по охране археологических памятников в 1917 г. ни ОУАК, ни какими бы то ни было другими организациями уже не предпринималось.

*Работа выполнена при поддержке задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации.*

#### Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13956.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14393.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14641.
4. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 59.
5. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 153.
6. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 24.
7. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30.
8. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 39.
9. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 54.
10. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 66.
11. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 70.
12. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 86.
13. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94.
14. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 98.
15. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 104.
16. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 106.
17. ГАОО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 35.
18. ГАОО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 55.
19. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10.
20. Евеньев А. А. История развития археологии Оренбуржья в дореволюционный период // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. Вып. 7. С. 126—130.
21. Евеньев А. А. Оренбургская археология в XVIII в. — 70-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
22. Евеньев А. А. История картографирования и охраны археологического наследия Оренбургского Приуралья в XIX—XX веках // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. Вып. 9. С. 5—11.
23. Зуев В. Ю. Курган 1888 г. у поселка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации. Сборник трудов молодых ученых. Археологические изыскания. Л. : ЛО ИА АН СССР, 1991. Вып. 3. С. 42—53.

24. Зуев В. Ю. Материалы к истории изучения прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 г.). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 71 с.
25. Иванов Н. Г. О задачах, деятельности и общественном значении Ученых Архивных Комиссий вообще и Оренбургской Архивной Комиссии в частности // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография губернского правления, 1897. Вып. 2. С. 37—65.
26. Игнатъев Р. Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды I Археологического съезда в Москве, 1869 г. М., 1871. С. 153—158.
27. Игнатъев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии. Уфа : Губернская типография, 1873. Ч. 2. С. 167—186.
28. Игнатъев Р. Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // Известия Археологической комиссии. СПб., 1903. Вып. 5. С. 96—122.
29. Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В. А. Лабузов ; сост. М. И. Роднов. Т. 1 : 1859—1866 годы. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2011. 230 с.
30. Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. Т. 3: 1869—1872 годы [Электронный ресурс]. Уфа, 2011. 302 с. URL: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-III.pdf>.
31. Игнатъев Р. Г. Курганы в приуральских местах Оренбургской губернии // Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В. А. Лабузов ; сост. М. И. Роднов. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2011. Т. 1. С. 117—143.
32. Из донесений Архивной Комиссии о находках древностей // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Тип. «Каримов, Хусаинов и К<sup>о</sup>», 1913. Вып. 29. С. 221—225.
33. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К<sup>о</sup>», 1911. Вып. 22. С. 1—300.
34. Научный архив Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) (НА ИИМК). Ф. 1. 1864. № 21.
35. НА ИИМК. Ф. 1. 1887. № 64.
36. НА ИИМК. Ф. 1. 1888. № 56.
37. НА ИИМК. Ф. 1. 1890. № 14.
38. НА ИИМК. Ф. 1. 1897. № 44.
39. НА ИИМК. Ф. 1. 1898. № 94.
40. НА ИИМК. Ф. 1. 1900. № 257.
41. НА ИИМК. Ф. 1. 1899. № 95.
42. НА ИИМК. Ф. 1. 1908. № 45.
43. Незнамов П. А. Отчет о деятельности и состоянии Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за 1908 год // Отчет и протоколы заседаний за 1908 год. Оренбург, 1909. С. 1—20.
44. Нефедов Ф. Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887—1888 год) и в Прикамье (1893—1894 год) // Материалы по археологии восточных губерний России. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1899. Т. 3.
45. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1901 год. СПб. : Типография главного управления уделов, 1903. 198 с.
46. Панков Д. О вскрытом переселенцами могильнике // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К<sup>о</sup>», 1911. Вып. 23. С. 129—134.
47. Попов А. В. Дневник раскопок кургана «Шихан» и других в окрестностях г. Оренбурга, произведенных летом 1897 года А. В. Поповым // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1898. Вып. 4. С. 105—116.
48. Попов А. В. Исследования последних курганов на Бердинской горе 8—11 мая 1905 года // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая типо-литография Ф. Г. Каримова, 1906. Вып. 16. С. 202—205.
49. Проект закона об охране древностей. Приложение к протоколу № 8 от 5 сентября 1905 года // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая типо-литография Ф. Г. Каримова, 1906. Вып. 16. С. 263—271.
50. Протоколы заседаний // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Тип. «Каримов, Хусаинов и К<sup>о</sup>», 1913. Вып. 29. С. 31—71.
51. Протоколы заседаний Архивной Комиссии за 1906 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая Типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К<sup>о</sup>», 1907. Вып. 19. С. 28—70.
52. Протоколы заседаний Комиссии за 1887, 1888, 1889, 1895, 1896, 1897 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Электро-типография Тург. обл. правления, 1914. Вып. 30. С. 21—84.

53. Протоколы заседаний Комиссии за 1903 год // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. Вып. 14. С. 123—177.
54. Протоколы заседаний Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за 1899 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. Вып. 6. С. 139—188.
55. Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в. Казань : Отечество, 2014. 188 с.
56. Смирнов А. С. «Признать в Императорской Археологической Комиссии правительственный центр» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2 (32). С. 395—408.
57. Смирнов А. С. Наука и ее популяризация — приоритеты в деятельности московских и петербургских археологических объединений до 1917 года // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань : Отечество, 2014. Т. 5. С. 212—215.
58. Смирнов Н. Ю., Соколов А. В. Археологические исследования в Тургайской области до 1917 года: краткий обзор документов научного архива ИИМК РАН // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 323—334.
59. Тихонов И. Л. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2015. № 240. С. 302—317.
60. Шукшинцев И. С. Сведения о курганах Оренбургской губернии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. Вып. 6. С. 75—127.
61. Шукшинцев И. С. Предания о курганах Оренбургской губернии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. Вып. 6. С. 128—138.
62. Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М. : ТАУС, 2010. 384 с.

Поступила в редакцию 28.04.2018

*Евгеньев Андрей Александрович*, кандидат исторических наук  
Оренбургский государственный педагогический университет  
Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Советская, 19  
E-mail: oren-arch@mail.ru

UDC 902.6(470.56)“18/19”

**A. A. Evgenyev**

**Archeology and society in the middle of XIX — the beginning of the XX centuries  
(on the materials of the Orenburg province)**

The article considers the evolution of the provincial society's attitude to the archaeological science and ancient monuments throughout the middle of XIX — the beginning of the XX century. It reveals the problems of treasure hunting, uncontrollable excavations, promoting of archeology in the province, relationship of various public institutions concerning archeological excavations and protection of antique monuments. The lately published archival materials showing interest in archaeology in the Orenburg province at the turn of the 20<sup>th</sup> century have been introduced for scientific use.

**Key words:** archeology, society, promoting of archeology, treasure hunting, protection of monuments, R. G. Ignatyev, Orenburg Scientific Archival Commission, Imperial Archaeological Commission.

*Evgenyev Andrey Aleksandrovich*, Candidate of Historical Sciences  
Orenburg State Pedagogical University  
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19  
E-mail: oren-arch@mail.ru

## References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 6. Op. 6. D. 13956.
2. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 14393.
3. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 14641.
4. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 59.
5. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 153.
6. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 24.
7. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 30.
8. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 39.
9. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 54.
10. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 66.
11. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 70.
12. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 86.
13. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 94.
14. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 98.
15. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 104.
16. GAOO. F. 96. Op. 1. D. 106.
17. GAOO. F. 96. Op. 2. D. 35.
18. GAOO. F. 96. Op. 2. D. 55.
19. GAOO. F. 164. Op. 1. D. 10.
20. Evgen'ev A. A. Istoriya razvitiya arkheologii Orenburzh'ya v dorevolutsionnyi period [History of the development of archeology of Orenburg region in the pre-revolutionary period]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archeological monuments of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2005, is. 7, pp. 126—130. (In Russian)
21. Evgen'ev A. A. *Orenburgskaya arkheologiya v XVIII v. — 70-kh gg. XX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Orenburg archeology in the XVIII century — 70-ies XX century. Cand. Dis.]. Orenburg, 2008. (In Russian)
22. Evgen'ev A. A. Istoriya kartografirovaniya i okhrany arkheologicheskogo naslediya Orenburgskogo Priural'ya v XIX—XX vekakh [The history of cartography and protection of the archaeological heritage of the Orenburg Pre-Ural region in the XIX—XX centuries] *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archeological monuments of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2011, is. 9, pp. 5—11. (In Russian)
23. Zuev V. Yu. Kurgan 1888 g. u poselka Chernigovskogo [Burial mound of 1888 near the settlement of Chernigov]. *Problemy khronologii i periodizatsii. Sbornik trudov molodykh uchenykh. Arkheologicheskie izyskaniya* [Problems of chronology and periodization. Collection of works of young scientists. Archaeological research]. Leningrad, LO IA AN SSSR Publ., 1991, is. 3, pp. 42—53. (In Russian)
24. Zuev V. Yu. *Materialy k istorii izucheniya prokhorovskikh kurganov v Orenburzh'e (po itogam ekspeditsii 2001 g.)* [Materials on the history of the study of Prokhorovka burial mounds in Orenburg region (following the results of the expedition of 2001)]. St. Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2003. 71 p. (In Russian)
25. Ivanov N. G. O zadachakh, deyatelnosti i obshchestvennom znachenii Uchenykh Arkhivnykh Komissii voobshche i Orenburgskoi Arkhivnoi Komissii v chastnosti [On the tasks, activities and social significance of the Scientists of the Archival Commissions in general and the Orenburg Archive Commission in particular]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipo-litografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1897, is. 2, pp. 37—65. (In Russian)
26. Ignat'ev R. G. Kurgany i gorodishcha Orenburgskogo kraia [Burial mounds and ancient settlements of the Orenburg region]. *Trudy I Arkheologicheskogo s'ezda v Moskve, 1869 g.* [Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow, 1869]. Moscow, 1871, pp. 153—158. (In Russian)
27. Ignat'ev R. G. Pamyatniki doistoricheskikh drevnostei Ufimskoi gubernii [Monuments of prehistoric antiquities of the Ufa province]. *Pamyatnaya knizhka Ufimskoi gubernii s statisticheskoy kartoï gubernii* [Memorable book of the Ufa province with a statistical map of the province]. Ufa, Gubernskaya tipografiya Publ., 1873, part 2, pp. 167—186. (In Russian)
28. Ignat'ev R. G. Gorodishcha i kurgany Orenburgskoi gubernii [Ancient settlements and burial mounds of the Orenburg province]. *Izvestiya Arkheologicheskoi komissii* [News of the Archaeological Commission]. St. Petersburg, 1903, is. 5, pp. 96—122. (In Russian)
29. Ignat'ev R. G. *Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period). T. 1 : 1859—1866 gody* [Collection of works (Ufa and Orenburg period). Vol. 1: 1859—1866 years]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU, 2011. 230 p. (In Russian)

30. Ignat'ev R. G. *Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period). T. 3: 1869—1872 gody* [Collection of works (Ufa and Orenburg period). Vol. 3: 1869—1872]. Ufa, 2011. 302 p. Available at: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-III.pdf>. (In Russian)
31. Ignat'ev R. G. Kurgany v priural'skikh mestakh Orenburgskoi gubernii [Burial mounds in the Ural areas of the Orenburg province]. *Ignat'ev R. G. Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period)* [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2011, vol. 1, pp. 117—143. (In Russian)
32. Iz doneseniia Arkhivnoi Komissii o nakhodkakh drevnostei [From the reports of the Archival Commission on finds of antiquities]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tip. "Karimov, Khusainov i K" Publ., 1913, is. 29, pp. 221—225. (In Russian)
33. Kastan'e I. A. Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraia [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tip. "Karimov, Khusainov i K" Publ., 1911, is. 22, pp. 1—300. (In Russian)
34. *Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury (g. Sankt-Peterburg)* [Scientific archive of the Institute of the History of Material Culture (St. Petersburg)] (NA IIMK). F. 1. 1864. № 21.
35. NA IIMK. F. 1. 1887. No 64.
36. NA IIMK. F. 1. 1888. No 56.
37. NA IIMK. F. 1. 1890. No 14.
38. NA IIMK. F. 1. 1897. No 44.
39. NA IIMK. F. 1. 1898. No 94.
40. NA IIMK. F. 1. 1900. No 257.
41. NA IIMK. F. 1. 1899. No 95.
42. NA IIMK. F. 1. 1908. No 45.
43. Neznamov P. A. Otchet o deyatel'nosti i sostoyanii Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii za 1908 god [Report on the activities and status of the Orenburg Scientific Archive Commission for 1908]. *Otchet i protokoly zasedanii za 1908 god* [Report and records of meetings for 1908]. Orenburg, 1909, pp. 1—20. (In Russian)
44. Nefedov F. D. Arkheologicheskie issledovaniya v Yuzhnom Priural'e (1887—1888 god) i v Prikam'e (1893—1894 god) [Archaeological research in the Southern Urals (1887—1888) and in Prikamye (1893—1894)]. *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii* [Materials on the archeology of the eastern provinces of Russia]. Moscow, Tip. M. G. Volchaninova Publ., 1899, vol. 3. (In Russian)
45. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1901 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1901]. St. Petersburg, Tipografiya glavnogo upravleniya udelov Publ., 1903. 198 p. (In Russian)
46. Pankov D. O vskrytom pereselentsami mogil'nike [About the repository discovered by the settlers]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tip. "Karimov, Khusainov i K" Publ., 1911, is. 23, pp. 129—134. (In Russian)
47. Popov A. V. Dnevnik raspokok kurgana "Shikhan" i drugikh v okrestnostyakh g. Orenburga, proizvedennykh letom 1897 goda A. V. Popovym [Diary of excavation of the mound "Shihan" and others in the vicinity of Orenburg, produced in the summer of 1897 by A. V. Popov]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipografiiya Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1898, is. 4, pp. 105—116. (In Russian)
48. Popov A. V. Issledovaniya poslednikh kurganov na Berdinskoi gore 8—11 maya 1905 goda [Studies of the last burial mounds on Berdinsk mountain on May 8—11, 1905]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Parovaya tipografiiya F. G. Karimova Publ., 1906, is. 16, pp. 202—205. (In Russian)
49. Proekt zakona ob okhrane drevnostei. Prilozhenie k protokolu № 8 ot 5 sentyabrya 1905 goda [The draft law on the protection of antiquities. Annex to Protocol No. 8 of September 5, 1905]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Parovaya tipografiiya F. G. Karimova Publ., 1906, is. 16, pp. 263—271. (In Russian)
50. Protokoly zasedanii [Records of meetings]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tip. "Karimov, Khusainov i K" Publ., 1913, is. 29, pp. 31—71. (In Russian)
51. Protokoly zasedanii Arkhivnoi Komissii za 1906 g. [Records of meetings of the Archival Commission for 1906]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Parovaya Tipo-lit. "T-va Karimov, Khusainov i K" Publ., 1907, is. 19, pp. 28—70. (In Russian)
52. Protokoly zasedanii Komissii za 1887, 1888, 1889, 1895, 1896, 1897 gg. [Records of the meetings of the Commission for 1887, 1888, 1889, 1895, 1896, 1897]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Elektro-tipografiya Turg. obl. pravleniya Publ., 1914, is. 30, pp. 21—84. (In Russian)

53. Protokoly zasedanii Komissii za 1903 god [Records of the meetings of the Commission for 1903]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipo-litografiya I. I. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1905, is. 14, pp. 123—177. (In Russian)
54. Protokoly zasedanii Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii za 1899 g. [Records of the meetings of the Orenburg Scientific Archive Commission for 1899]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipo-litografiya I. I. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1900, is. 6, pp. 139—188. (In Russian)
55. Serykh D. V. *Vserossiiskie arkhologicheskie s'ezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arkhologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [All-Russia archaeological congresses as a form of organization of domestic archaeological science in the second half of the XIX — beginning of the XX century]. Kazan', Otechestvo Publ., 2014. 188 p. (In Russian)
56. Smirnov A. S. "Priznat' v Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii pravitel'stvennyi tsentr" ["To recognize the Imperial Archaeological Commission as a governmental center"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury — Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, no. 2 (32), pp. 395—408. (In Russian)
57. Smirnov A. S. Nauka i ee popularizatsiya — priority v deyatelnosti moskovskikh i peterburgskikh arkhologicheskikh ob"edinenii do 1917 goda [Science and its popularization — priorities in the activities of Moscow and St. Petersburg archaeological associations before 1917]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the IV (XX) All-Russia Archaeological Congress]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. 5, pp. 212—215. (In Russian)
58. Smirnov N. Yu., Sokolov A. V. Arkheologicheskie issledovaniya v Turgaiskoi oblasti do 1917 goda: kratkii obzor dokumentov nauchnogo arkhiva IIMK RAN [Archaeological research in the Turgai region before 1917: a brief review of the documents of the scientific archive of the IHMC RAS]. *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie* [Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation]. Almaty, Nauchno-issledovatel'skii tsentr istorii i arkhologii "Begazy-Tasmola" Publ., 2017, vol. 2, pp. 323—334. (In Russian)
59. Tikhonov I. L. Mnogo istorii odnoi nauki (o razlichnykh zhanakh v istorii arkhologii) [Many stories of one science (about various genres in the history of archeology)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii RAN* [Brief messages of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 240, pp. 302—317. (In Russian)
60. Shukshintsev I. S. Svedeniya o kurganakh Orenburgskoi gubernii [Information about the burial mounds of the Orenburg province]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipo-litografiya Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1900, is. 6, pp. 75—127. (In Russian)
61. Shukshintsev I. S. Predaniya o kurganakh Orenburgskoi gubernii [Legends about the burial mounds of the Orenburg province]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Orenburg, Tipo-litografiya Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1900, is. 6, pp. 128—138. (In Russian)
62. Yablonskii L. T. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoi arkhologii* [Prokhorovka: at the dawn of Sarmatian archeology]. Moscow, TAUS Publ., 2010. 384 p. (In Russian)